

СЛОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ РОССИЙСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Анализируются проблемы интеграционных проектов на постсоветском пространстве. Современная теоретическая школа регионализма предлагает широкий выбор инструментов и методов консолидации регионального пространства на основе изучения многообразия интеграционных проектов. Через переосмысление теоретических подходов к современному интеграционному строительству автор анализирует основные вызовы, стоящие перед Россией в реализации проектов по построению общего регионального пространства.

Ключевые слова: Россия; постсоветское пространство; российский регионализм; интеграция.

Введение

Российская Федерация участвует в серии региональных проектов, включающих как страны бывшего СССР (за исключением стран Балтии) (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС), так и страны за пределами постсоветского пространства (ШОС, БРИКС). Конкуренция региональных интеграционных проектов становится все более очевидной на фоне продолжающегося кризиса в Украине. Традиционно Россия рассматривает страны бывшего СССР как своих главных экономических и стратегических партнеров. Однако интеграционные проекты на постсоветском пространстве у экспертов вызывают противоречивые оценки.

Содружество Независимых Государств как первая интеграционная структура на постсоветском пространстве вызывает много критики в среде экспертного сообщества. Несмотря на то что СНГ является «старейшим региональным проектом» [1. С. 1332], он признается как неэффективный вариант регионализма [1. С. 1332–1333] или как «вариант неудачного регионализма» [2. С. 249]. С другой стороны, СНГ до сих пор считается «действующей и функционирующей наднациональной координирующей организацией» [3. С. 411] и «механизмом структурирования постсоветского пространства (зонтичной организацией)» [4. С. 17].

Организация договора о коллективной безопасности представляет собой региональную структуру военно-политической направленности. Договор был подписан в 1992 г., однако потребовалось десять лет для создания организации. Как региональный проект ОДКБ вызывает много критических замечаний. Среди них такие, как неспособность организации к реальным действиям, как это случилось в период народных волнений в Киргизии в 2010 г. ОДКБ имеет соглашение с ШОС (2007 г.) о координации сотрудничества между секретариатами и не более того. Причины этого могут объясняться «незападным типом регионализма» [5. С. 47], для которого нормативная составляющая имеет большее значение, чем функциональный подход. Р. Аллисон называет ОДКБ и ШОС «виртуальным регионализмом», поскольку им свойствен «протекционистский тип интеграции», основанный на политической солидарности с Россией, а также на приоритете внутренней политики и национальной идеологии [6. С. 187–189].

Евразийский экономический союз является сравнительно новым интеграционным объединением на

постсоветском пространстве и воспринимается российскими экспертами достаточно скептически из-за отсутствия четкой стратегии и непроработанной теоретической концепции [7. С. 78].

Участие России в региональных проектах с новыми партнерами (КНР) и внерегиональными партнерами (Индия, Пакистан, ЮАР, Бразилия) вызывает большие ожидания у политической элиты России [8]. Однако станут ли эти новые и перспективные проекты эффективными и принесут ли ожидаемые дивиденды России?

Становится очевидным новый тренд в региональной политике России в сторону проекта «Большая Евразия» как противовес новым глобальным проектам США и ЕС, прежде всего Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (TTIP) [9].

В связи с этим, по мнению автора данной статьи, необходимо определить теоретические подходы, которые могут быть использованы в рамках современного регионального строительства и оценки процессов регионального формирования, а также проанализировать основные вызовы, стоящие перед Россией в построении региональных интеграционных структур на постсоветском пространстве.

Теоретический фундамент региональных проектов

Термин «регионализм» стал использоваться в научной среде благодаря новому переосмыслению роли регионов после окончания холодной войны. По мнению авторов концепции «нового регионализма» Б. Хеттне и Ф. Содербаума, регионы стали самостоятельными акторами на мировой арене, они могут «конструироваться» как изнутри, так и при участии внешних акторов [10]. Ряд авторов считает, что процессы регионализации стали ответом на современные вызовы глобализации [11. С. 69–83].

Сегодня мы наблюдаем процесс формирования новых метаморфических конструкций вокруг термина «регионализм». Теоретические подходы к изучению региональных процессов делятся на «старый» и «новый» регионализм; регионализмы в «первом», «втором», «третьем» поколениях; на экономический, монетарный, культурный и безопасности регионализмы; кросс-, интер-, транс-, мультирегионализмы; на «чистый» и «гибридный» регионализмы; наступательный, экстравертированный, открытый, неолибераль-

ный наступательный, интровертированный, закрытый, оборонительный, регулированный, развивающий регионализм; регионализм низкого и высокого уровня; Северный, Южный, Север-Юг регионализмы; неформальный и институциональный регионализм [12. С. 5].

В целом можно говорить о трех волнах теоретических подходов к регионализму: «старый регионализм» (региональное строительство периода холодной войны); «новый регионализм» (переосмысление роли регионов, европейское строительство после окончания холодной войны); «сравнительный регионализм» – термин, обозначающий различные варианты региональной интеграции, «не-европейского» типа регионализм (2000-е гг.).

С точки зрения теоретико-методологических взглядов можно выделить три логики построения регионов: стратегическая (реализм), функциональная (либеральная школа) и нормативная (социальный конструктивизм). С точки зрения стратегической логики процессы региональной интеграции обусловлены необходимостью усиления коллективной обороны и безопасности. Функциональная логика приводит к формированию институтов для решения конкретных проблем, разрешения споров, для развития экономической взаимозависимости и интеграции. Нормативная логика приводит к формированию региональной идентичности, базирующейся на общей идентичности, культуре и ценностях, как, например, в ЕС, и к формированию сплоченности и более сильному представительству, например, развивающихся стран на мировой арене.

Регионализм как теоретическое направление включает множество школ и направлений. В рамках данной статьи под региональным строительством (регионализмом) мы понимаем проект или политически мотивированное действие, направленное на построение региональной интеграции. Регион – это объединение двух и более государств, имеющих общие границы и тесные внутрирегиональные отношения. Несмотря на появление исследований, посвященных внeterриториальному регионализму, например БРИКС, большинство исследователей изучают конкретные географические регионы или области (европейский регионализм, азиатский регионализм, восточно-европейский регионализм, центрально-азиатский регионализм и т.д.).

Процесс построения региона всегда связан с решением практических задач. Это могут быть задачи экономической интеграции (АСЕАН), экономические и вопросы безопасности (ШОС), задача урегулирования конфликта (схема сертификации процесса Кимберли), многофункциональные (МЕРКОСУР, ЕС). Регионализация как процесс формирования региональной сплоченности, как правило, появляется в случае необходимости решения практических задач. Регионализация рассматривается как мотивации различных участников региона к формированию большей интеграции, общих норм и региональной идентичности. В том случае, если практика строительства региона (регионализм) сопровождается процессами регионализации, политика регионализма становится более успеш-

ной и эффективной. Также можно предположить, что если региональный проект является привлекательным для участников региона, процессы внутренней регионализации могут интенсифицироваться.

Регионализм может быть открытым (мягкий) и закрытым (жесткий). Открытый регионализм дает возможность участникам проекта участвовать в других интеграционных проектах, не ущемляя их прав. Открытый регионализм может быть с ассиметричным участием, в нем участвуют не только государства, но и области, регионы, негосударственные акторы. Открытый регионализм может быть основан на равноправной основе без участия гегемона или регионального лидера. Закрытый регионализм предполагает выбор участниками проекта только данного регионального проекта. Обычно это симметричный проект с присутствием гегемона.

Таким образом, регионализм как проект может иметь разные формы институционального выражения и различные типы региональной консолидации, присутствия на международном уровне и акторности. Эффективность региональных проектов на постсоветском пространстве оценивается экспертами неоднозначно. Тем не менее, учитывая уникальность каждого региона, можно проанализировать как сильные, так и слабые стороны существующих и новых региональных проектов на постсоветском пространстве.

Проблемы постсоветского регионализма

Постсоветское пространство в контексте региональных и интеграционных процессов рассматривается как регион с ассиметричными взаимоотношениями в силу присутствия сильной державы в регионе, окруженной более слабыми странами [13. С. 397]. Два длительных процесса влияли на формирование регионального комплекса: процессы изменения размеров Российской империи и изменение уровня вовлеченности региона во взаимоотношения с другими регионами, главным образом с Европой [Там же]. Постсоветский регион является региональным комплексом, центрированным вокруг региональной державы – России. Этот регион рассматривается как традиционное поле национальных интересов России. Однако постсоветский региональный комплекс, несмотря на присутствие регионально-структурющей державы, является конфликтным, т.е. процессы построения региона не привели к формированию региональной сплоченности, а наоборот, усилили конфронтационные настроения участников региона.

Среди экспертов существует убежденность в том, что на постсоветском пространстве есть все предпосылки для формирования процессов регионализации, а наличие региональной державы должно привести к формированию единого региона. К таким предпосылкам можно отнести географический фактор (все страны региона имеют общие границы); у стран региона есть жизненно важная необходимость сохранять и поддерживать экономические, технологические, технические, пограничные и другие связи. Кроме того, страны региона имеют общую историю, культурные

связи и систему ценностей, базирующиеся на опыте 70-летнего совместного существования в рамках СССР [14. С. 32–35].

Действительно, после распада СССР необходимость сохранения тесных экономических, производственных и других отношений была очевидной. Несмотря на то что распад СССР прошел мирным путем через подписание Беловежских соглашений и Алма-Атинской декларации, в конце 1980-х гг. в СССР произошел всплеск национальных конфликтов. Сепаратистские движения появились во многих советских республиках и национальных автономиях. Создание Содружества Независимых Государств стало вариантом замораживания нерешенных этнических, территориальных проблем.

Внутренними дезинтеграционными факторами для построения регионализма на постсоветском пространстве являются типологические отличия стран региона, экономическая неравномерность, разные geopolитические стратегии стран региона, энергетическое со-

перничество, миграционные проблемы, а также оставшиеся после распада СССР нерешенные этнические и территориальные споры, неготовность политических элит решать споры и проблемы. В 1968 г. Дж. Най сформулировал четыре предпосылки для успешной интеграции: симметричность или экономическое равенство субъектов; взаимодополняемость ценностных ориентиров элит; наличие плюрализма; способность государств к адаптированию и ответам на вызовы [15]. Большая часть предпосылок на постсоветском пространстве отсутствует.

Двенадцать стран бывшего СССР несимметричны по таким критериям, как численность населения, ВВП на душу населения, ВНП, уровень бедности и продолжительность жизни. Лидером по населению, уровню жизни является Россия, остальные страны в десятки раз отстают по размерам территории и населению, а также в 2–3 раза отстают по уровням ВВП и ВНП (табл. 1).

Таблица 1
Данные по странам «постсоветского» региона

Страна	Размер населения, млн чел. (2014 г.)	ВНП (2014 г.), млн US \$	ВВП на душу населения (US \$)			Продолжительность жизни, лет (2013 г.)	Уровень бедности, % от населения		
			2009 г.	2011 г.	2014 г.		2009 г.	2011 г.	2013 г.
Россия	143,8	1861 000	9,230	10,820	13,210	71	13	12,7	10,8
Украина	45,3	131 800	2,840	3,110	3,560	71	5,8	7,8	8,4
Узбекистан	30,7	62 640	1,130	1,510	2,090	68	—	16	—
Казахстан	17,2	212 200	6,780	8,190	11,670	70	8,2	5,5	2,9
Азербайджан	9,5	75 200	4,797	5,530	7,590	71	10,9	7,6	5,3
Белоруссия	9,4	76 140	5,590	6,103	7,340	72	5,4	7,3	5,5
Таджикистан	8,4	8 409	650	780	1,060	67	47,2	—	—
Киргизстан	5,8	7 404	860	880	1,250	70	31,7	36,8	37
Туркменистан	5,3	5 307	3,570	4,660	8,020	65	—	—	—
Грузия	4,5	16 530	2,550	2,850	3,720	74	17,4	17,7	—
Молдова	3,5	7 944	1,375	1,980	2,550	69	26,3	17,5	12,7
Армения	2,9	10 880	3,240	3,430	3,810	75	34,1	35	32

Примечание. Таблица составлена на основе данных Всемирного банка: <http://data.worldbank.org/country>

Индекс демократии 2014 г., опубликованный *The Economist Intelligence Unit* [16], продемонстрировал, что страны постсоветского пространства имеют разные идеологические траектории. Критериями оценки демократии стали такие показатели, как плюрализм и система выборов, деятельность правительства, политическая активность, политическая культура и гражданские свободы. Чем выше индекс демократии, тем ближе страна к тому, что авторы доклада понимают под «настоящей» демократией (Full Democracy). Из двенадцати государств бывшего

СССР только Молдова относится к типу «несовершенной демократии» (Flawed Democracy), четыре страны (Грузия, Украина, Киргизстан и Армения) являются гибридными режимами (Hybrid Regimes), остальные – авторитарными режимами (Authoritarian Regimes). Неустойчивость политических режимов, их закрытость привели к протестным движениям и цветным революциям внутри стран региона (табл. 2): Грузия (2003 г.), Украина (2004, 2005, 2013 гг.), Киргизия (2005, 2010 г.), Белоруссия (2006 г.), Молдавия (2009 г.), Россия (2011 г.), Армения (2015 г.).

Таблица 2
Уровень демократии (2014)

Страна	Тип режима	Индекс демократии
Молдова	Несовершенная демократия	69
Грузия	Гибридные режимы	81
Украина	Гибридные режимы	92
Киргизстан	Гибридные режимы	95
Армения	Гибридные режимы	113
Белоруссия	Авторитарные режимы	125
Россия	Авторитарные режимы	132
Казахстан	Авторитарные режимы	137
Азербайджан	Авторитарные режимы	148
Узбекистан	Авторитарные режимы	154
Таджикистан	Авторитарные режимы	156
Туркменистан	Авторитарные режимы	160

Между странами региона существует постоянная несогласованность по вопросам цен на энергоресурсы, не решены конфликты на приграничной территории. Газовые войны между Украиной и Россией, конфликт вокруг Рогунской гидроэлектростанции между Таджикистаном и Узбекистаном (2008–2014 гг.) [17], территориальные и этнические конфликты, визовый режим между Таджикистаном и Узбекистаном – все эти факторы демонстрируют неготовность и неспособность элит государств региона решать спорные вопросы и отвечать на возникающие вызовы. Сохранившиеся со временем СССР этнические конфликты и территориальные претензии, законсервированные путем соглашений в рамках СНГ, начиная с 2008 г. стали разрешаться военными способами, что привело к еще большему недоверию между странами региона.

Для большинства стран региона получение независимости в 1991 г. стало новым явлением. Страны региона очень осторожно относились к региональным проектам под эгидой России. Интеграционные проекты стали рассматриваться как попытка возвращения в новую «колониальную» систему. СНГ является единственной организацией, включающей большинство стран бывшего СССР. На протяжении 1990-х гг. возникло несколько самостоятельных интеграционных проектов без участия России (ГУУАМ, ЦАО).

Внешними вызовами для региональной консолидации стали внерегиональные участники и организации, чья региональная политика стала активизироваться после распада СССР. Программа «Восточное партнерство» ЕС, американское присутствие в Центральной Азии, интерес Турции и Ирана к интеграционным проектам на Кавказе и в Центральной Азии. Россия становится все сложнее конкурировать с интеграционными проектами внерегиональных держав на постсоветском пространстве.

Для российской элиты и дипломатии новый проект России – Евразийский экономический союз – является одним из приоритетных проектов. Некоторые эксперты предлагают отказаться от проекта «постсоветского регионализма» и сделать акцент на формировании «евразийского» открытого регионализма [18]. Однако без переосмысления проблем постсоветского регионализма, изучения опыта других интеграционных проектов любой новый интеграционный проект может остаться очередными договоренностями только на бумаге.

Какие уроки можно извлечь из предыдущих проектов регионального строительства?

Участие в региональном проекте требует серьезных усилий всех его участников. Несмотря на видимые и очевидные возможности практического сотрудничества, к примеру, среди стран бывшего СССР, региональный проект должен быть привлекательным. Страны и их элиты должны быть заинтересованы и мотивированы к участию в данном проекте. Под привлекательностью мы понимаем в данном случае то же самое, о чем Дж. Най писал в своей работе о предпосылках к интеграции, а именно формирование изна-

чальных условий, при которых страны будут стремиться к участию в региональном интеграционном объединении.

России непросто конкурировать с сильными игроками на постсоветском пространстве как в экономическом, так и в политическом плане. Активизация Китая в Центральной Азии, значительная доля рынка, занимаемая им в этом регионе, переход на расчеты в китайской валюте, с одной стороны, усложняют процесс регионального строительства России со странами Центральной Азии, но с другой стороны, Россия является традиционным партнёром для стран Центральной Азии, от которого никто не собирается отказываться. Россия может усилить свое присутствие в регионе и консолидировать его посредством формирования общих ценностных ориентиров, культурной общности. Учитывая дезинтеграционные факторы и разное восприятие исторического наследия, как нам представляется, необходимо избегать некоторых идеологических моментов при построении общей региональной консолидации.

Во-первых, не стоит слишком оптимистично опираться на историческое наследие СССР как на основополагающую идею общности ценностей и сплоченности. Существует немало исследований о восприятии советского прошлого в разных странах бывшего СССР. Анализ национальных учебников центрально-азиатских государств демонстрирует, что в них речь идет о России как «колониальной империи, рухнувшей в 1917 г.». Это «красная империя», закончившая коммунистический эксперимент в 1991 г. [19]. Советское прошлое, Вторая мировая война ассоциируются как тяжелое время и беда для населения. Несмотря на многие достижения СССР, эксплуатация данного образа не вызывает однозначного положительного отклика в новых независимых государствах. Идеология и ценностные установки СССР не могут стать основой для формирования региональных проектов с участием новых государств, получивших свободу и независимость после распада СССР.

Несмотря на официальные заявления президента В.В. Путина о приверженности России принципам «открытого» регионализма, в странах постсоветского пространства с подозрением относятся к инициированным Россией интеграционным проектам. В послании Федеральному собранию от 4 декабря 2014 г. В.В. Путин указал на базовые принципы Евразийского экономического союза: «Прежде всего это равноправие, pragmatism и взаимное уважение. Это сохранение национальной самобытности и государственного суверенитета всех стран-участниц. Убеждён, что тесная кооперация станет мощным источником развития для всех участников Евразийского союза» [20].

Тем не менее имеющая место в российских правящих элитах двусмысленность в риторике, которая одновременно направлена против проекта европейской интеграции (ЕС), допускает возврат к варианту регионализма по типу СССР и в то же самое время утверждает необходимость «гармонизации интеграционных процессов в Европейском и Евразийском экономическом союзах» [21]. Это порождает неяс-

ность относительно истинных намерений российского руководства.

Использование исторического опыта СССР, вероятно, является попыткой России противопоставить иную идеологическую и ценностную установку против европейских / западных ценностей. К примеру, выступая на международной конференции 24 ноября 2014 г., Председатель Государственной Думы С. Нарышкин противопоставил формирующийся Евразийский экономический союз другому интеграционному проекту – Европейскому Союзу [21]. «В то же время некоторые наши партнёры по Содружеству, во многом под внешним давлением, отказываются от равноправного участия в Евразийском экономическом союзе ради ассоциации с Европейским Союзом, предполагающим его полное доминирование», – заключил Председатель Государственной Думы [Там же]. Многие руководители современных постсоветских суверенных государств предпочитают сравнивать конкурентные преимущества интеграционных проектов, а не исходить «из интересов соседних государств, своих ключевых экономических партнёров», как предлагает С. Нарышкин [Там же].

Практически все страны региона являются членами ОБСЕ и участвуют в тех или иных программах ЕС, ОБСЕ, ЕС, Совет Европы – все эти организации являются нормообразующими, т.е. принимая участие в них, страны разделяют ценностные установки данных организаций [22. С. 240]. Сможет ли Россия изолировать страны региона от участия в европейских проектах?

А как быть с активным участием Казахстана в Совете Сотрудничества Тюркоязычных Государств (ССТГ или Тюркский Совет), инициатором создания которого стал Президент Казахстана Н. Назарбаев? Президент Казахстана отмечал, что между «Тюркским Советом и Евразийским экономическим союзом нет противоречий, ЕАЭС открыт для присоединения других стран, которые, к примеру, Турция и другие страны Тюркского мира могут со временем стать его ассоциативными членами» [23]. Готова ли Россия к вхождению в Евразийский экономический совет сильного регионального актора, каким является Турция, продвигающего собственную интеграционную идею «пантюркизма»?

В контексте сравнительного регионализма анализируется опыт не-европейского регионализма, отличительными особенностями которого являются отказ от бюрократических наднациональных институтов, с одной стороны, и предпочтительность традиционных двусторонних отношений между государствами реги-

она, экономические, а не военные интеграционные связи. Это «открытый» регионализм по принципу АСЕАН (ASEAN-way), который позволяет участникам регионального интеграционного проекта участвовать и в других региональных проектах; это региональный проект, где нет гегемона – страны, доминирующей в региональной группе. АСЕАН занимается широким спектром вопросов, в том числе и безопасностью, но организация не противопоставляет себя другим региональным организациям. По мнению А. Ачарии, АСЕАН – это сильнейший нормообразующий тип регионализма, в котором страны региона стремятся к выстраиванию общих норм и ценностей, к формированию большего доверия и консенсуса в своем регионе (ASEAN-identity) [24].

Современная Россия выбрала политику «жесткого» регионализма в противовес «мягкому» или «открытым» регионализму. Поиск внешних врагов становится центральной идеологической линией как во внутренней политике России, так и в региональных проектах на постсоветском пространстве. В книге «Не вместе. Россия и страны Центральной Азии» А.К. Бисенбаев пишет о «ритуальном характере» интеграционных усилий России в пространстве СНГ, что приводит к тому, что все мировые и региональные события оцениваются с позиции противостояния и конфронтации [25. С. 179–180]. Как данная стратегия поможет сформировать единое экономическое и политическое пространство в контексте Евразийской интеграции? Возможно ли силовое сдерживание участников региональной интеграции? Как в условиях глобализации рынков, массовых коммуникаций и Интернета сдержать мягкое «ползучее» влияние Китая и ЕС в Центральной Азии и на Кавказе?

Разочарование российской правящей элиты неэффективными региональными проектами на постсоветском пространстве, возникновением «цветных революций» в регионе, участием стран региона в проектах внерегиональных держав впервые на региональном уровне проявилась в августе 2008 г. в контексте российско-грузинского конфликта вокруг Южной Осетии и Абхазии. Россия начала пересмотр границ бывшего СССР, согласованных в рамках соглашений по СНГ. Новый регионализм России является, с одной стороны, ревизионистским, Россия активно пересматривает границы бывшего СССР, с другой стороны, этот новый регионализм России основывается на новой идеологии – защите русскоязычного населения на территории бывшего СССР. Русскоязычное население, проживающее за пределами СССР сегодня составляет 25 млн человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Libman A. Russian Federalism and Post-Soviet Integration: Divergence of Development Paths // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63, № 8. P. 1323–1355.
2. Kubicek P. The Commonwealth of Independent States: an example of failed regionalism? // Review of International Studies. 2009. № 35. P. 237–256.
3. Hartwell C.A. A Eurasian (or a Soviet) Union? Consequences of further economic integration in the Commonwealth of Independent States // Business Horizons. 2013. № 56. P. 411–420.
4. Наринский М.М., Мальгин А.В. 10 лет Содружества Независимых Государств: некоторые итоги и перспективы // 10 лет СНГ – поиски, потери, приобретения : материалы междунар. конф. (Волгоград, 25–27 сентября 2001 г.) / Центр постсоветских исследований МГИМО (У) МИД России ; под ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. М., 2002. С. 16–26.

5. Никитина Ю. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. Т. 17, № 2 (97). С. 45–53.
6. Allison R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia // Central Asian Survey. 2008. Vol. 27, № 2. P. 185–202.
7. Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Концепт «Евразийский экономический союз» как новая интеграционная парадигма // Управленческое консультирование. 2013. № 10 (58). С. 78–89.
8. Пресс-конференция Министра иностранных дел России С.В. Лаврова «на полях» саммитов БРИКС и ШОС. Уфа, 9 июля 2015. URL: http://www.mid.ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/1551620 (дата обращения: 26.08.2015).
9. Винокуров Е., Либман А. Две евразийские интеграции // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 47–72.
10. Hettne B., Söderbaum Fr. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. 2000. № 5/3. P. 457–474.
11. Gavin B., De Lombaerde P. Economic Theories of Regional Integration / ed. by M. Farell, B. Hettne, L. Langenhove // Global Politics of Regionalism: Theory and Practice. London, 2005.
12. Börzel T.A. Comparative Regionalism: A New Research Agenda // KFG Working Paper. 2011. № 28. P. 1–38.
13. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. 7th ed. N. Y., 2010.
14. Каледин Н.В. Постсоветское пространство: предпосылки и результаты регионализации // Балтийский регион. 2009. № 1 (1). С. 32–42.
15. Nye J. International Regionalism. Boston : Little Brown, 1968.
16. Democracy Index 2014 / A Report from the Economist Intelligence Unit. URL: <http://www.sudestada.com.uy/Content/Articles/421a313a-d58f-462e-9b24-2504a37f6b56/Democracy-index-2014.pdf> (дата обращения: 20.08.2015).
17. Борисова Е.А. Споры вокруг Рогунской ГЭС // История и современность. 2011. № 1 (13). URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/132897> (дата обращения: 20.08.2015).
18. Винокуров Е. Открытый регионализм в Евразии: от постсоветской к евразийской интеграции // Доклады XIII Апрельской Международной научной конференции «Модернизация экономики и общества». ВШЭ, 3–5 апреля 2012 г. Москва. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/cae8569b21002a4b5f51e701afc5724438f21621.doc> (дата обращения: 20.08.2015).
19. Лямин А.В. Образ России в учебниках центральноазиатских государств стран ШОС // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2010. № 3 (80). С. 124–128.
20. Послание Президента Федеральному Собранию. 4 декабря 2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 04.09.2015).
21. Сергей Нарышкин выступил на международной конференции «Президент, парламент, интеграция». URL: http://www.duma.gov.ru/news/274/858084/?phrase_id=1865750#photo5 (дата обращения: 04.09.2015).
22. Fawn R. International Organizations and Internal Conditionality. Making Norms Matter. N. Y., 2013.
23. Назарбаев Н. Поручить Тюркской академии разработать программу интеграции тюркского мира. URL: <http://www.altyn-orda.kz/n-nazarbaev-poruchit-tyurkskoj-akademii-razrabotat-programmu-integracii-tyurkskogo-mira> (дата обращения: 04.09.2015).
24. Acharya A. Foundations of Collective Action in Asia : Theory and Practice of Regional Cooperation // The Asian Development Bank Institute. URL: <http://www.adbi.org/working-paper/2012/02/14/4994.foundations.collective.action.asia> (mode of access: 20.05.2014).
25. Бисенбаев А.К. Не вместе. Россия и страны Центральной Азии. СПб. : Питер, 2011.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 3 ноября 2015 г.

THE COMPLEXITY OF BUILDING RUSSIAN REGIONALISM IN THE POST-SOVIET SPACE

Tomsk State University Journal, 2015, 400, 81–87. DOI: 10.17223/15617793/400/13

Mikhaylenko Ekaterina B. Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: earslanova@urfu.ru; ekamikhaylenko@gmail.com

Keywords: Russia; post-Soviet space; Russian regionalism; integration.

The purpose of the article is to analyse the problems of integration initiatives in the post-Soviet space. All projects suggested got under a severe attack of criticism from both Russian international relations experts and foreign observers. The problem of organizational inefficiency and the process of simply replicating treaties and agreements is a matter of concern for Russia due to an obvious risk of recurrence of negative experience that can become an obstacle to its new initiatives, such as the foundation of the Eurasian Economic Union. The contemporary regionalism theory school possesses a vast range of tools for regional space consolidation based on the studies of various integration initiatives. The diversity of approaches demonstrates different ways of regional alliances formation and the pluralism of participation forms for member states. In spite of the undoubtedly geographical (implying the neighbourhood and common boundaries), economic (implying the necessity to preserve the trade and technological cooperation ties) and cultural (implying the factor of common history, humanitarian cooperation and common values developed through the 70 years of living in the framework of one state) integration premises, the influence of disintegration factors is undeniable as well. The internal disintegration factors for building regionalism in the post-Soviet space include typological differences between the countries, economic disproportions, geopolitical strategy discrepancies, energy rivalry, migration problems, ethnic and territorial conflicts left after the collapse of the Soviet Union, and the fact that local political elites stay reluctant in terms of dealing with the problems. Russia also faces the challenge of enduring competition with other regional political and economic actors, primarily with China. China's active role in Central Asia and economic expansion that had already resulted in the transition to yuan payments and transactions poses a serious threat to Russian regionalism building. On the other hand, Russia has always been a traditional political and economic partner for Central Asian states, and there are no signs of breaking these ties in the nearest future. Moreover, Russia can enhance different aspects of its presence in the region by means of common values and cultural unity development. The author analyses the process of how Russia is choosing its way of regional building and what challenges it can face while realizing the common space projects. The analysis also involves the reconsideration of modern theories of regional integration.

REFERENCES

1. Libman A. (2011) Russian Federalism and Post-Soviet Integration: Divergence of Development Paths. *Europe-Asia Studies*. 63:8. pp. 1323–1355.
2. Kubicek, P. (2009) The Commonwealth of Independent States: an example of failed regionalism? *Review of International Studies*. 35. pp. 237–256. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S026021050900850X>
3. Hartwell, C.A. (2013) A Eurasian (or a Soviet) Union? Consequences of further economic integration in the Commonwealth of Independent States. *Business Horizons*. 56. pp. 411–420. DOI: [10.1016/j.bushor.2013.03.003](http://dx.doi.org/10.1016/j.bushor.2013.03.003)

4. Narinskiy, M.M. & Mal'gin, A.V. (2002) [10 years of the Commonwealth of Independent States: some results and prospects]. *10 let SNG – poiski, poteri, priobreteniya* [10 years of the CIS: search, losses, acquisitions]. Proceedings of the International Conference. Volgograd. September 25–27, 2001. Moscow: Tsentr postsovetskikh issledovaniy MGIMO (U) MID Rossii. pp. 16–26. (In Russian).
5. Nikitina, Yu. (2011) ODKB i ShOS kak modeli vzaimodeystviya v sfere regional'noy bezopasnosti [CSTO and SCO as a model of cooperation in the sphere of regional security without]. *Indeks bezopasnosti*. 17:2 (97). pp. 45–53.
6. Allison, R. (2008) Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia. *Central Asian Survey*. 27:2. pp. 185–202. DOI: 10.1080/02634930802355121
7. Vasil'eva, N.A. & Lagutina, M.L. (2013) The concept of "the Eurasian Economic Union" as a new integrational paradigm. *Upravlencheskoe kon-sul'tirovanie – Management consulting*. 10 (58). pp. 78–89. (In Russian).
8. Lavrov, S. (2015) Press-conference by Russian Foreign Minister Sergey Lavrov "on the margins" of the SCO and BRICS summits, Ufa, July 9, 2015. Available from: http://www.mid.ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/1551620. (Accessed: 26 August 2015). (In Russian).
9. Vinokurov, E. & Libman, A. (2013) Two Integration Processes in Eurasia. *Voprosy ekonomiki*. 2. pp. 47–72. (In Russian).
10. Hettne, B. & Söderbaum, Fr. (2000) Theorising the Rise of Regionness. *New Political Economy*. 5/3. pp. 457–474. DOI: 10.1080/713687778
11. Gavin, B. & De Lombaerde, P. (2005) Economic Theories of Regional Integration. In: Fareell, M., Hettne, B. & Langenhove, L. (eds) *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. London: Pluto Press.
12. Börzel, T.A. (2011) Comparative Regionalism: A New Research Agenda. *KFG Working Paper*. 28. pp. 1–38.
13. Buzan, B. & Waever, O. (2010) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. 7th ed. New York.
14. Kaledin, N.V. (2009) Postsovetskoе prostranstvo: predposylki i rezul'taty regionalizatsii [The post-Soviet space: the background and the results of regionalization]. *Baltiyskiy region – Baltic Region*. 1 (1). pp. 32–42.
15. Nye, J. (1968) *International Regionalism*. Boston: Little Brown.
16. Democracy Index. (2014) *A Report from the Economist Intelligence Unit*. Available from: <http://www.sudestada.com.uy/Content/Articles/421a313a-d58f-462e-9b24-2504a37fb56/Democracy-index-2014.pdf>. (Accessed: 20 August 2015).
17. Borisova, E.A. (2011) Spory vokrug Rogunskoy GES [The controversy over the Rogun hydropower plant]. *Istoriya i sovremennost'*. 1 (13). Available from: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/132897>. (Accessed: 20 August 2015).
18. Vinokurov, E. (2012) [Open regionalism in Eurasia, from the post-Soviet to Eurasian integration]. *Modernizatsiya ekonomiki i obshchestva* [Modernization of the economy and society]. Reports of XIII April International Scientific Conference, HSE. Moscow. April 3–5, 2012. Available from: <http://regconf.hse.ru/uploads/cae8569b21002a4b5f51e701afc5724438f21621.doc>. (Accessed: 20 August 2015). (In Russian).
19. Lyamzin, A.V. (2010) Obraz Rossii v uchebnikakh tsentral'noaziatskikh gosudarstv stran ShOS [The image of Russia in the textbooks of the Central Asian states of the SCO]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki*. 3 (80). pp. 124–128.
20. Putin, V.V. (2014) Address of the President to the Federal Assembly. December 4, 2014. Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>. (Accessed: 04 September 2015). (In Russian).
21. Naryshkin, S. (2014) Speech at the international conference "The president, the parliament, integration". Available from: http://www.duma.gov.ru/news/274/858084/?phrase_id=1865750#photo5. (Accessed: 04 September 2015). (In Russian).
22. Fawn, R. (2013) *International Organizations and Internal Conditionality. Making Norms Matter*. New York: Palgrave McMillan.
23. Nazarbaev, N. (2014) "To instruct the Turkic Academy to develop a program of integration of the Turkic world". Available from: <http://www.altyn-orda.kz/n-nazarbaev-poruchit-tyurkskoj-akademii-razrabitat-programmu-integraciyi-tyurkskogo-mira>. (Accessed: 04 September 2015). (In Russian).
24. Acharya, A. (2012) *Foundations of Collective Action in Asia: Theory and Practice of Regional Cooperation*. Available from: <http://www.adbi.org/working-paper/2012/02/14/4994.foundations.collective.action.asia>. (Accessed: 20 May 2014).
25. Bisenbaev, A.K. (2011) *Ne vmeste. Rossiya i strany Tsentral'nnoy Azii* [Not together. Russia and Central Asia]. St. Petersburg: Piter.

Received: 03 November 2015